5/5 (1 голос)

Творчество

Вновь распрыгались в море касатки

Зыбкий плеск

Уже седые волны всей громадою
не могут мою душу освежить.
И неуклюжей бьют по борту лапою:
легко ли среди нас так долго быть?

Над зыбким плеском чайки в вечном поиске,
куда-то желтый свет несут опять.
Отталкивают их валы громоздкие,
себя не позволяя оседлать.

И блеск на горах влаги разливается -
как будто зеркала лежат на них.
Не доля ль рыбака в них отражается,
коль, засверкав, тускнеют в тот же миг?

Мир влаги, зеркала теряя, бесится.
Мне брызги больше душу не пьянят.
Соленым языком за десять месяцев
слизали волны сердце у меня.

Мне все равно, что жемчуг с волн сдувается,
что тянется серебряная нить.
Душа с судьбой невольничьей прощается,
но снова зыбкий плеск вернется пить.

Зимний шторм

Исполинский прерывистый гул ветров,
горы влаги, качаясь, вздымаются в небо.
На вершинах их дым вперемешку со снегом
вмиг сдувается тысячью мощных ртов.

И от злости зелёные горы и пропасти
то появятся, то исчезают.
Море ткет и тотчас разрывает
свою белую сеть – кружева вологодские.

Кто от сна пробудил эти горы бегущие?
Ошалевших титанов разгул не уймется –
громоздятся везде пирамиды Хеопса
и своими султанами машут под тучами.

И валы, задымившись, друг с другом столкнутся
и, смешав кудри белые, прочь отхлынут.
Задрожат под стремительным водным дымом
и, взрастая, опять в водный холм соберутся.

И ребристые волны, хребты серебристые
тайной силе послушны и вверх взлетают.
И султаном алмазным их кто-то венчает,
задержав на мгновенье на взлёте неистовом.

И, на судно набросившись, станут качать его –
то ль любовь, то ли злобу хотят они выразить.
И убавит на миг оно ход свой отчаянный,
то вдруг прыгнет вперёд, как сорвавшись с привязи.

Зачерпнуть тебя может волна своей лапою
возле самой надстройки, коль смело пройдешь там.
Оказаться под мощными можешь накатами,
коль не смоет тебя, возвратишься промокший.

Зимний шторм, разудалая битва природы,
слышен в сшибке ветров шум лопочущей речи.
И, разбившись о борт, водный холм шумно плещет...
Зимний шторм! То с ветрами беседуют воды.

Вновь распрыгались в море касатки

Вновь распрыгались в море касатки,
вновь норд-веста приглушенный стон.
И взлетают визжащие чайки
меж губами гуляющих волн.

Рассыпают русалочки пряди
белокурых, кудрявых волос.
Синий ветер ладонью их гладит –
и хохочут шалуньи до слёз.

Туча вскинет лохматую руку
и в стога станет море сгребать.
Выйдут демоны вновь на прогулку,
станут бедное судно качать.

Веет холодом синим

Веет холодом синим
туманная ширь океанская,
и во мгле, что в лесу,
воет ветер волчицей серой.
И взмахнула крылами
незримая птица гигантская,
и по влаге ребристой
рассыпала белые перья…

То враждебная сшибка валов,
то слияние. –
Кто поймет эту тайну
безудержной схватки?
И, чужой, берегись заходить
в поле битвы отчаянной;
этих бешеных битв не боятся
лишь рыбы да чайки.

Девушка с чайкой

Есть много поверий. Одно среди них
про лиц утонувших –
Что будто вселяются в чаек морских
посмертно их души.

На мысе в Опатии статуя есть:
то девушка с чайкой.
Она моряка ждёт из плаванья здесь
с надеждою сладкой.

Что скрыт он навеки солёной водой,
ей верится мало.
Унёс ведь моряк её сердце с собой,
своё ей оставил.

Любовь же бессмертна: душа моряка
влилась в чайку эту.
Её держит нежно девичья рука,
как символ бессмертный.

И вдаль с валуна ожиданье глядит –
оно бесконечно.
И верной любви гимн беззвучный звенит
на струнах сердечных.

г. Опатия (Хорватия)

Позвони мне в Париж…

Позвони мне в Париж, Татьяна,
я о нём тебе всё расскажу.
Я слегка от бургундского пьяный,
и в «Бистро» на Монмартре сижу.

На Монмартр я благоговейно
поднимаюсь пешком: здесь шли
по ступенькам Золя и Гейне,
и Ван Гог, Сальвадор Дали.

Поднимусь на крышу Парижа,
ни к чему мне фуникулёр.

На вершине горы увижу
самый крупный собор Сакре Кёр.

Там два всадника в выси пред храмом
в дальний край меня унесут.
На ступенях звуки органа
я послушаю в святости чувств.

А на площади возле храма
скрипачей, портретистов полно.
И белеет внизу панорама
древних улиц, бульваров, домов.

Снова «Люксе» – отель на Совесте,
древний дом. А в душе благодать:
мне с балкона, сказать по чести,
крыши с трубами любо видать.

Позвони мне в Париж, Татьяна, –
к красоте пусть протянется нить.
К мировой душе несказанной
я хочу тебя приобщить.